

Профессиональная идентичность субъекта культуры постмодерна как доминирующий биографический нарратив

К. В. Севастов

аспирант,

Республиканский институт высшей школы

Помимо внутренних кризисных состояний, постмодерн зачастую либо исключительно неконструктивно критикуется, либо категорически и безапелляционно отвергается. Данная позиция не призывает к смене социальной рефлексии над состоянием культуры постмодерна или же современной культуры в целом, а лишь анализирует одно из свойств субъекта в контексте многочисленных концептов постмодернистской культуры. Речь идет о профессиональной идентичности как свойстве современного субъекта, а также о биографическом нарративе как культурном феномене, обладающем именно постмодернистской размерностью.

В личностном самоопределении в культуре постмодерна актуализируется не только самоидентификация, но и самопрезентация – биографические нарративы. Проблема личностной идентификации возникла в силу быстро развивающегося в современной культуре экзистенциального кризиса, а также усиления рефлексивности как в сознании одного человека, так и общества в целом.

Биографический нарратив в процедурах личностного самоопределения в культуре постмодерна претерпевает значительные изменения: в постмодерне отсутствует система как система (в классическом понимании), но есть система, основанная на бессистемности (ризоме), а это значит, что своего рода нарративная стабильность субъекта сменяется нарративной переменчивостью, потому как в постмодернистской реальности постоянно приобретаемое актуальнее имею-

щегося. Другими словами, биографический нарратив предстает в виде субъективного инструментария для самопрезентации в обществе культуры постмодерна.

Для начала предположим, что собственное имя человека неотделимо от его личностного идентификационного конструкта и занимает в лингвистическом аппарате его идентификационных процедур значимое место. Безусловно, речь не идет о какой-либо мистификации имен. Дело в том, что личностно субъект не отделяет себя от собственного имени.

Так, разделом ономастики – антропонимией – определяется, что изучаемым «предметом является имя человека, входящее в контекст словесности и окруженное – подчас мифологизированным – ореолом. Имя – в широком смысле: включая и производные от него формы, и прозвище, и отчество, и фамилию, и псевдоним, и “недаром” созвучные с данным именем слова, и причуды этимологических (часто ложноэтимологических) ассоциаций» [1, с. 42].

Исторически сложилось так, что культурная коммуникационная традиция обязывала включать в личное имя (личное в данном случае демонстрирует ключевую важность контекста) патронимическое добавление, определяющее принадлежность к определенному роду и/или семейству (иногда это говорило о статусности – от того, кто чей, например, сын, образовывалась целая иерархия и тем самым определялась дальнейшая коммуникационная направленность), а также место происхождения и/или правления, как, например, в случае титулованных, знатных особ: Екатерина Арагонская (араг. *Catarina d'Aragón*, исп. *Catalina de Aragón*, англ. *Catherine of Aragon*), Эразм Роттердамский (лат. *Desiderius Erasmus Roterodamus*) и др. Но бывали случаи, когда одновременно употреблялись оба варианта, как, например, в случае Демосфена, чья антропонимическая модель выглядела так: Демосфенес Демосфенус Пэаниэус (др.-греч. *Δημοσθένης Δημοσθένοῦ Παανιεύς*), т. е. Демосфен сын Демосфена из филы Пэания [2].

Таким образом, антропонимическая традиция предыдущих эпох не только демонстрирует статус субъекта внутри матрицы социальных коммуникаций, но и напрямую взаимодействует с его личностной идентичностью.

Говоря о субъективности наррации, важно определить, почему профессиональная идентичность субъекта современности в коммуникационном контексте служит своего рода коммуникативной защитой личностной идентичности. Важно, что далеко не всегда оба типа идентичности подразумевают одно и то же: личностное исключительно внутрисубъектное рефлексивное составляющее (и тем не менее зависящее от своего рода контекста, потому как, например, рефлексирование – процесс не постоянный, а интермиттирующий), в то время как профессиональное – нестатичное свойство, которое не только может изменяться со временем, но и зависит от контекста коммуникации (субъект, например, может быть одновременно философом, ученым, преподавателем, научным сотрудником и т. д.).

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.06.2022.

Внутри межсубъектной коммуникации (представим одного из субъектов вопрошающим, а другого – вопрошаемым) обычный на первый взгляд вопрос «Кто ты?» задается вопрошаемым не столько из-за любопытства, сколько из-за необходимости межсубъектного сравнения с вопрошаемым, для своего рода аутентификационных точек соприкосновения двух идентичностей. Это подводит к тому, что подобный диалог является не чем иным, как формой игры, феномен которой занимает особое место в философии постмодернизма.

Концепция Ж. Батая об игре [3], когда сама игра наличествует лишь как факт – без внешней цели либо причины, определяет игровой контекст как безграничность свободы надления субъектом смыслом того, что первоначально может не иметь смысла вовсе. Соответственно, понятие смысла как такового умалывается, за исключением той ситуации, когда смысл имеет лишь сама игра, но «смысл должен быть связан с присутствием» [3, с. 56], из чего следует, что в контексте философии постмодернизма смыслом обладает лишь субъект, который, в свою очередь, имеет выбор. Выбор же, учитывая беспольность и разновекторность постмодернизма, безграничен.

Тем самым игра сопрягает такие понятия, как «свобода» и «выбор», а также «преобразует формулу “свобода || выбор” в формулу “свобода = выбор” и, в свою очередь, обесценивая само понятие “свобода выбора”: свобода и есть выбор» [4, с. 325]. Исходя из этого, выбор теряет свою казалась бы непоколебимую идентификационную значимость, уступая понятию свободы первенство, потому как «концепция свободы абсолютна и не может быть ограничена выбором» [4, с. 325]. Соответственно, для освобожденного от неизбежности выбора субъекта смысл обретает лишь сама игра и сопутствующая ей абсолютная свобода в этой игре.

Под абсолютностью свободы подразумевается ее недостижимость в полной мере, потому как субъект не в состоянии освободиться от всех имеющихся контекстов – он просто перестанет существовать, быть субъектом как таковым.

В данном диалоговом контексте вопрошающего и вопрошаемого профессиональную идентичность (как результат профессиональной идентификации) можно определить как «собирательное и комплексное свойство субъекта» (но исключительно контекстуальное), цель которого – «самоотождествление с определенной социальной группой» [5, с. 23] (или, как минимум, с собеседником).

Безусловно важным является и тот факт, что данная игра – языковая игра (термин, введенный Л. Витгенштейном), которая основывается (как и любая другая игра) на определенных контекстах и правилах игры [6]. Так, по Л. Витгенштейну, языковая игра – это своего рода примитивная форма языка. Форма без «ментального тумана», благодаря которой при добавлении к ней новой формы образуется построение более сложной по своей структуре формы [7, с. 45–46].

Важно отметить, что с нейролингвистической точки зрения язык противостоит сенсорному хаосу, а также

обеспечивает ментальную репрезентацию поступающей информации и, таким образом, вербально объективизирует индивидуальный опыт субъекта, обеспечивая не только коммуникацию, но и описание реальности [8, с. 395]. Более того, «язык, будучи культурным феноменом <...> соединяет объекты внешнего мира <...>, используя конвенциональные семиотические механизмы» [8, с. 33].

Но самое важное то, что «язык дает возможность строить и организовывать сложные коммуникационные сигналы и обеспечивать мышление – формирование концептов и гипотез о характере, структуре и законах мира» [8, с. 78]. Соответственно, ключевым в данном рассуждении выступает тот факт, что, помимо наличия коммуникационной функции в языке, сам он является средством мышления.

Применительно к контексту отмечается, что «пришествие в язык выглядит как обретение карты, отделяющей территорию говорящего субъекта от невидимого <...>, говорящее существо не вводится и не рождается, но вбрасывается в язык <...>, который есть пустота, что производит означение и субъективность» [9, с. 70]. Здесь, как и в случае надления смыслом лишь самой игры и ее наличия (а в данном рассуждении о профессиональной идентичности – контекста), «прыжок в язык может только повторяться, но никогда не аннулируется, если мы должны продолжать говорить» [9, с. 71]. Исходя из этого профессиональная идентификационная значимость заключена исключительно в контекстуальности, потому как «ничто не будет иметь места, кроме самого места» [9, с. 71].

Определив, что в глобализированной реальности культуры постмодерна профессиональные аспекты идентичности превалируют над личностными, отодвигая их на второй, а точнее – внутрисубъектный план, можно утверждать, что при субъект-субъектном взаимодействии для обоюдного ментального сближения достаточно найти точки соприкосновения с профессиональной идентичностью друг друга; личностная же идентичность в этой коммуникации (а точнее – ее контекст) уходит на второй план. Тем не менее часть задачи, поставленной в данном рассуждении, остается открытой. А именно: что же происходит в ментальности субъекта в тот момент, когда ему нужно ответить на тот самый идентификационный вопрос?

Субъект ассоциирует себя в первую очередь с собственной личностью или ее неотъемлемой составной частью (тут закономерным будет опереться на психоаналитические концепции самости и личности, когда «самость можно определить как внутренний регулирующий центр, отличающийся от личностного сознания <...>, является центром, постоянно направляющим развитие и созревание личности» [10, с. 165]).

В момент ответа на идентификационный вопрос у вопрошаемого происходит переключение языкового кода с личного на профессиональный: подсознательно вопрошаемый примитивизирует свой ответ, переключаясь с личностной идентичности на профессиональную для более вероятных, как уже описывалось

выше, аутэнтыфікацыйных крок супрацьстаяння. Важна, што ў момант так называемай прымітывізацыі пры пераключэнні языковага кода адначасова адбываецца свайго роду ўнутрысуб’ектнае услабненне – пераход ад статычнага асабістага да кантэкстуальнага прафесійнаму.

Із гэтага следуе яшчэ адзін важны момант. С кроку згляду філасофіі постмадэрнізму ўсе ў акаружаючай рэальнасці не што іншае, як набар кодыв. І язык – ў першую ачэрэдь. І ўсе же услабняючыся і напалняючыся савакупнасць языковых кодыв можна прадставіць ў віде тэкста, котры с кроку згляду постмадэрнісцкай парадыгмы нестатычна, самазаамаствыван і вторычна ў прынцыпе. Там болей што ў случае ідэнтыфікацыйнага вавраса языквая ігра прадстае ў віде дыялога, котры, ў сваю ачэрэдь, являецца тэкстам с двойным аватарствам.

В то же время, как отмечается, диалоговое соотношение двух текстов представляется в виде интертекста [11, с. 173], соответственно, интертекстуальность (термин, введенный Ю. Кристевой) [12, с. 47–48] – текстологическая коннекция внутри совокупности текстов.

Не только функциональность текста, но и его существование в целом не представляется возможным без его базирования на уже имеющихся текстах, что определенным образом вписывается в постмадэрнісцкую парадыгму ўсеабащей вторычнасці. Другымі словамі, кожны тэкст рэмінісцэнтны па сваёй суты. І здысь важна адметыць такія адтвельняня ад абащей канцэпцыі тэкстуальнасці, як прататэкст (сваёго роду тэксталагічэскі патэрн; істок паследуючага тэкставага пастроення), а такжэ метатэкст (т. е. тэкст ўнутры самага тэкста; тэкст-тэкставае інтэрпрэтацыя). Важна, што ў завасынасці ад кантэкста тэкст как таковай можэ быць аднамомэнтна как прататэкстам, так і метатэкстам. Можна праследыць безуслывную карреляцыю рэфлэксыўных ідэнтыфікацыйных працэдур с тэксталагічэскім кантэкстуальным апаратам.

Итак, если идентичность в целом рассматривать как самоаналитический текст, то возможно изобразить формулу идентификационных процедур в следующем виде:

Таким образом, внутри реальности культуры постмадэрна прафесійнальная ідэнтычнасць суб’екта являецца кантэксна дамінаруючым біаграфічэскім нарратывам. В целом кантэкстуальнасць, а ў некотрых случаях і нестатычнасць біаграфічэскай нарратывы ўсэцэла впысываюцца ў дзве парадыгмальныя ўстанавкы філасофіі постмадэрнізму: жыцьне ёсць ігра і ўсё мір ёсць тэкст.

Список использованных источников

1. *Илюшин, А. А.* Антропонимия / А. А. Илюшин // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2001. – С. 42–44.
2. *Римша, В. П.* К изучению древних антропонимических систем. Греки и римляне / В. П. Римша // Системы личных имен у народов мира / В. П. Римша; под ред. М. В. Крюкова. – М., 1989. – С. 368–374.
3. *Батай, Ж.* Внутренний опыт / Ж. Батай; пер. с фр. С. Л. Фокина. – СПб.: Аксиома: Мифрил, 1997. – 336 с.
4. *Севастов, К. В.* Проблема самоидентификации в культуре постмадэрна / К. В. Севастов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. / редкол.: В. А. Гайсёнок (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2020. – Вып. 19. – С. 319–326.
5. *Севастов, К. В.* Образование и идентичность: локализация кризиса в культуре постмадэрна / К. В. Севастов // Вопросы педагогики и психологии: монография / редкол.: Ж. В. Мурзина, О. Л. Богатырева. – Чебоксары, 2021. – Гл. 1. – С. 17–24.
6. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования / Л. Витгенштейн; пер. с нем. Л. Добросельского. – М.: АСТ, 2018. – 352 с.
7. *Витгенштейн, Л.* Голубая и коричневые книги: предварительные материалы к философским исследованиям / Л. Витгенштейн; пер. с англ. В. А. Суровцева, В. В. Иткина. – Новосибирск: Сиб. университет. изд-во, 2008. – 256 с.
8. *Черниговская, Т. В.* Чеширская улыбка кога Шредингера: мозг, язык и сознание / Т. В. Черниговская. – М.: АСТ, 2021. – 496 с.
9. *Николчина, М.* Значение и матереубийство. Традиция матерей в свете Юлии Кристевой / М. Николчина; пер. с англ. З. Баблюяна. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 180 с.
10. *Человек и его символы.* К. Г. Юнг, М.-Л. фон Франц, Дж. Л. Хендерсон, И. Якоби, А. Яффе: сб. тр. / редкол.: С. Н. Сиренко (гл. ред.) [и др.]. – М.: Медков С. Б.: Серебряный нити, 2016. – 352 с.
11. *Кристева, Ю.* Избранные труды: разрушение поэтики / Ю. Кристева; пер. с фр. Г. К. Косикова, Б. П. Нарумова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
12. *Кристева, Ю.* Семиотика: исследования по семанализу / Ю. Кристева; пер. с фр. Э. А. Орловой. – М.: Академ. проект, 2013. – 285 с.

Аннотация

В статье анализируется феномен профессиональной идентичности и его развертывание внутри коммуникации, место и роль внутрибиографической нарративы субъекта культуры постмадэрна в ідэнтыфікацыйных працэдурх. Коммуникационная составляющая биографического нарратива сравнивается с постмадэрнісцкай канцэпцыяй феномена ігры. Проводится параллель между диалогом и языковой игрой, что впоследствии позволяет определить текстuality ідэнтыфікацыйных працэдур суб’екта культуры постмадэрна.

Abstract

The article analyzes the phenomenon of professional identity and its deployment within communication, and also describes the place and role of intrabiographical narration of the subject of postmodern culture in identification procedures. The communication component of the biographical narrative is compared with the postmodern concept of the game phenomenon. A parallel is drawn between the dialogue and the language game, which makes it possible to subsequently determine the textuality of the identification procedures of the subject of postmodern culture.